Потаенная Лопшеньга в произведении М.М. Пришвина «За волшебным колобком»[1]

М.Н. МЕЛЮТИНА, канд. филос. наук

ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск, Россия (nauka@kenozero.ru)

Тема «поэтической географии» писателя М.М. Пришвина (1873–1954) до сих пор рассматривалась в контексте литературоведения.

Наши историко-архивные и литературные изыскания посвящены исследованию повести писателя «За волшебным колобком» с точки зрения этнографической науки.

В 1907 г. по поручению Императорского Русского географического общества, по свидетельству писателя, «<…> начались мои скитания по Северу <…> я объехал берег Белого моря до Кандалакши. Потом перешел Лапландию (двести тридцать верст) до Колы, побывал в Печенгском монастыре, в Соловецком, на западном Мурмане и морем возвратился в Архангельск в начале июля»[2].

Северное путешествие стало важным этапом в творческой судьбе М.М. Пришвина, позднее он писал: «Как писатель

[1] *Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Архангельской области, проект № 18-411-292001 р_мк «Исследование гуманитарно-географических образов этнокультурных ландшафтов Русского Севера как символического ресурса формирования имиджа северных и арктических территорий региона».*

[2] *Пришвин М.М.* За волшебным колобком (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии) // *Пришвин М.М.* Повести /Сост. А. А. Макаров. – М., 1984. С. 143.

я состоялся на Русском Севере»[3]. К сожалению, ни в документах архива Русского географического общества (г. Санкт-Петербург), ни фольклорного архива Государственного литературного музея[4] и его филиала в д. Дунине, где находится Дом-музей М.М. Пришвина (Московская область, Одинцовский район)[5], ни в дневниковых записях М.М. Пришвина[6], ни в РГАЛИ[7] не сохранилось материалов этой экспедиции. Однако поездка на Русский Север воодушевила Михаила Михайловича на создание книги «За волшебным колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии», которая была издана впервые в Санкт-Петербурге в 1908 г.[8]

Книга несколько раз переиздавалась, но первая ее публикация является библиографической редкостью. Иллюстрированная английским художником Г.Д. Денглас-Юмом, книга остается единственным документальным источником по означенной нами теме[9].

М.М. Пришвин писал: «Мое занятие – этнография, изучение жизни людей»[10]. Этнографу и писателю М.М. Пришвину присуще точное описание маршрута следования, приметы конкретного исторического времени, максимальное внимание в фактах и деталях к жизни людей. Он стремился отображать время документально: описывал экономическое положение де-

---

[3] Беседа М.Н. Мелютиной с Л.А. Рязановой, заведующей Домом-музеем М.М. Пришвина в Дунине от 17.02.2019 г., д. Дунино, Одинцовский район Московской области // Архив М.Н. Мелютиной.

[4] Фольклорный архив ГЛМ. Ф. 152 (1866–1940 гг.).

[5] Беседа М.Н. Мелютиной с Л.А. Рязановой….

[6] *Пришвин М.М.* Дневники 1905–1954 // Собр. соч.: В 8 т. – М.1986. Т. 8. 759 с.; *Он же.* Дневники. 1926–1927. Книга пятая. – М., 2003; *Он же.* Ранний дневник. 1905–1913. – СПб., 2007.

[7] РГАЛИ. Ф. 1125. Оп. 1. (1922–1941 гг.).

[8] *Пришвин М.* За волшебным колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии. – С-Петербург, 1908.

[9] Ссылки на цитаты М.М. Пришвина мы даем по изданию 1984 г. в связи с тем, что правила правописания русского языка до орфографической реформы 1918 г. в настоящее время вызывают сложности при чтении. Отметим, что иллюстрации не опубликованы в издании 1984 г., поэтому в этом случае мы ссылаемся на книгу 1908 г.

[10] *Пришвин М.М.* За волшебным колобком…1984. С. 161.

ревень, количество жителей, промысловую культуру, местные диалекты и др.

Неудивительно, что писателя захватила фотосъемка, которая оказалась способом художественного освоения реальности. Фотографией Пришвин увлекся в 1906 г. во время своего первого этнографического путешествия по Выговскому краю, когда у него в руках оказался фотоаппарат П.П. Ползунова, учителя из деревни Паданы Олонецкого края. В 1907 г. во время путешествия по Северу в его руках тоже был фотоаппарат, о котором он пишет в повести: «Разве все эти вещи: карандаш в оправе, записная книжка, часы, фотографический аппарат не говорят больше всяких слов об интересном госте? <…>. Я снимаю с нее фотографию, и мы становимся близкими друзьями»[11]. Иллюстрации, созданные для книги «За волшебным колобком» английским художником Г.Д. Денглас-Юмом, явственно свидетельствуют о существовании фотопозитивов. К сожалению, не удалось обнаружить фотографии М.М. Пришвина, сделанные в путешествии 1907 г. (информация получена от Л.А. Рязановой, владелицы фотоархива писателя, заведующей Домом-музеем М.М. Пришвина в деревне Дунино в Московской области).

Среди указанных писателем географических названий поселений, в которых он останавливался, село Лопшеньга, расположенное на Летнем берегу Белого моря, не названо автором. Наша задача на основе устных нарративов, историко-архивных материалов и произведения писателя аргументировать гипотезу о пребывании М.М. Пришвина в Лопшеньге и этнографическом описании им этого селения. Информация о том, что писатель во время путешествия посещал это село, уверенно бытует среди местного населения. Источником является книга «Река детства» Павла Кренева (Поздеев Павел Григорьевич), писателя, уроженца д. Лопшеньги[12]. Из личной беседы с П.Г. Поздеевым удалось узнать, что по рассказам отца, Поздеева Григория Павловича (1922–1991), М.М. Пришвин останавливался в 2-этажном, расположенном на берегу моря, доме зажиточной семьи Поздеевых (дом сохранился, изначально он был двухэтажным, после раз-

[11] *Пришвин М.М.* За волшебным колобком…1984. С. 162.

[12] *Павел Кренев.* Река детства. – Л.: Лениздат, 1986.

борки остался только один этаж). Именно здесь писатель обсуждал с лопшарями вопросы о том, как «море делить с монахами». В 1907 г. прапрадеда Поздеева Павла Григорьевича, Поздеева Андрея Васильевича (1854–1902), уже не было в живых. В доме проживал его брат Поздеев Иван Васильевич (1845–1910), у которого и мог остановиться писатель. По семейной легенде Поздеевых, Мария Ивановна Поздеева (1887–?), дочь И.В. Поздеева, стала прообразом героини Марьи Моревны в повести Пришвина[13].

В тексте Пришвина есть строки о Марии, дочери старика (И.В. Поздееву было 62 года. – *М.М.*): «Лицо белое, брови соболиные, коса тяжелая. Совсем наша южная красавица – ноченька темная, со звездами и месяцем.

– Эта Марья Моревна?

– <...> Отец вон там живет, вон большой дом с крестом. У него ты и переночуешь, и поживешь, коли поглянется. <...> Сухой, костлявый старик с красными глазами и жидкой бородой ведет меня наверх в «чистую комнату»[14].

Далее Пришвин с этнографической точностью воспроизводит интерьер поморского дома: «Я в «чистой» комнате зажиточного помора. Посреди нее с потолка свешивается вырезанный из дерева, окрашенный в сизую краску голубок. Из угла смотрят на меня преподобные Зосима и Савватий, перед ними догорает лампада. В верхнем этаже чистая комната для гостей, а внизу живут хозяева[15]<...> Возле меня за лавкой в стене какое-то отверстие, можно руку просунуть, закрывается плотно деревянною втулкою. Так в старину по всей Руси подавали милостыню. Приходили странники, калики перехожие и свой близкий человек»[16].

С лингвистическим интересом Пришвин фиксирует и названия деталей ткацкого станка, расположенного в доме: «– это ставило, это набилки, бобушки, бердо, разлучница, приставни-

---

[13] Беседа М.Н. Мелютиной с Поздеевым Сергеем Григорьевичем (1956 г.р., м.р. – д. Лопшеньга, м.п. – г. Архангельск) от 29.12.2019, г. Архангельск / Архив М.Н. Мелютиной.

[14] *Пришвин М.М.* За волшебным колобком…1984. С. 158–159.

[15] Там же. С. 160.

[16] Там же. С. 162.

ца, пришвица»[17] Сохранившиеся лопшеньгские названия деталей станка идентичны указанным Пришвиным.

Далее писатель возвращается к береговому ландшафту: «А этот крест перед окнами к морю, вероятно, поставил еще благочестивый прадедушка помора. <...> В память чуда и поставлен здесь крест высотой с этот двухэтажный дом»[18].

По воспоминанию Поздеева Сергея Григорьевича, брата П.Г. Поздеева, у дома его прапрадеда действительно стоял большой поклонный крест.

М.М. Пришвин, как герой произведения (автор), уточняя количество жителей неизвестного пос ения, получает следующий ответ: «Двести восемьдесят три души! – И с жёнками? – Нет. Женские души не считаются»[19]. Среди деревень Летнего берега это количество жителей наиболее точно коррелируется с Лопшеньгой. В 1920 г. в селе проживал 641 человек: 277 мужчин и 364 женщины[20].

Автор, описывая морской берег, указывает названия рыболовецких тоней, свидетельствующих о том, что писатель общался с жителями Лопшеньги, т.к. эти тони располагаются в этом поселении или его окрестностях. Тони указаны в документальных источниках: Баклон (принадлежла Лопшеньгскому обществу – *М.М.*)[21], Волчек (принадлежит крестьянам села Яреньги – *М.М.*)[22], Солдат (в Лопшеньге существует место с названием Солдатский наволок. – *М.М.*).

Всего по описанию Пришвина – сорок четыре тони (в 1913 г. официально зафиксирована 31 тоня)[23], и еще двенадцать архиерейских (по данным 1808 г. – 2 тони – *М.М.*)[24], одна Сийского

---

[17] *Пришвин М.М.* За волшебным колобком…1984. С. 160.

[18] Там же.

[19] *Пришвин М.М.* Указ. соч. С. 166.

[20] Список населенных мест Архангельской губернии на 1 мая 1922 года. – Архангельск, 1922. С. 34.

[21] *Алеев В.Р.* Отчет о поездке на Летний и Онежский берег Белого моря в 1910 г. и описание морских рыболовных угодий. Отд. оттиск из материалов к познанию русского рыболовства. Т. II. Вып. 2. 1913. С. 118.

[22] Там же. С. 108.

[23] Там же. С. 93.

[24] ГААО. Ф. 114. Оп. 3. Д. 14. (Документ выявлен Харитоновой Я.Э.).

монастыря[25], одна Никольского[26], одна Холмогорского[27]. Только на берегу между деревнями Лопшеньгой и Яреньгой располагались семужные монастырские тони, т.к. это были промысловые берега для ловли семги.

Писатель фиксирует оригинальный способ рыбной ловли – «топтать камбалу»: «Мы идем по этой ***куйпоге***, утопая по колено в воду и грязь. Множество мальчишек, приподняв рубашонки, что-то нащупывают в воде ногами. Топчутся. <...>. Достают при мне из воды несколько рыб, почти круглых, с глазами на боку[28].

В фотоархиве этнографа Н.И. Рождественской сохранились фотографии 1938 г., на которых изображены дети и взрослые, которые «топтали» камбалу в д. Лопшеньге[29]. Идентичная иллюстрация включена в книгу М.М. Пришвина «За волшебным колобком» 1908 г.[30]

Другим известным промыслом Лопшеньги был зверобойный. По воспоминаниям уроженки Лопшеньги Афимьи Семеновны Майзеровой, «в июле месяце «Кириллова память», вся деревня в ту пору белух ловила. Бывало, что по 100 человек ездили раз-два и больше. Они заходят уромами, так и забелеют, как покойники, а цуханья у них, головы вздымут да как фыркнут, дак страсть – будто кони»[31].

М.М. Пришвин пишет: «Они все, перебивая друг друга, рассказывают мне, как они ловят этих зверей. Когда вот так, как теперь, засверкают на солнце серебряные спины, все в деревне бросаются на берег. <...> В море выезжает целый флот лодок:

---

[25] *Алеев В.Р.* Указ. соч. С. 114–115.

[26] Там же.

[27] ГААО. Ф. 114. Оп. 3. Д. 14.

[28] *Пришвин М.М.* Указ. соч. С. 157–158.

[29] Фольклорный архив ГЛМ. Ф. 64. Оп. 8. Ед. хр. 25, 26.

[30] *Пришвин М.* За волшебным колобком…1908. С. 23.

[31] *Мелютина М.Н., Зверева Ю.Д.* Историко-архивные материалы по теме: «Архив Н.И. Рождественской: полевые материалы 1930-х гг., собранные в деревнях Лопшеньга, Уна, Луда, Нижмозеро». Рукопись // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 26. С. 23.

женщины, мужчины, старые, молодые – все тут. Когда белуха запутается, ее принимают на ***кутило*** (гарпун)»[32].

Автор повести «За волшебным колобком» описывает поселение, ландшафт которого напоминает Лопшеньгу: «На песок к берегу с угора сбежала заморская деревушка. <...> Повыше – деревянная церковь, и перед избами много высоких восьмиконечных крестов. На самой вершине угора девушки водят хоровод, поют песни, <...> мелькают <...> своими <...> золотыми ***шубейками*** и высокими ***повязками***»[33].

Этнографически точно воспроизведен писателем праздничный женский костюм. В Лопшеньге существует Сальная гора, место гуляний. В XIX в. деревня располагалась не только на берегу моря, но и на горе. Позднее жилой ландшафт деревни менялся, и большинство домов устраивались ближе к морю. «Берег уплывает от нас, уплывает посеянная на песке между камнями и соснами деревенька[34]. В подтверждении этой цитаты отметим, что Лопшеньга – это единственная деревня Летнего берега Белого моря, расположенная на песчаной полосе у моря.

Географически точно описывает автор и морской путь от Лопшеньги к Соловецким островам, куда он плыл вместе с богомольцами восемьдесят верст в открытой лодке: «мимо Жижгинского острова, налево остается мыс Орлов; мы вступаем в открытое море»[35]

Мы привели ряд аргументов, которые могут свидетельствовать о пребывании писателя М.М. Пришвина в селе Лопшеньге. Отсутствие документальных источников, безусловно, не может поставить окончательную точку в этом вопросе. Несмотря на это, прочтение произведения «За волшебным колобком» позволяет открыть М.М. Пришвина и как этнографа, записавшего ценные сведения о Русском Севере.

---

[32] *Пришвин М.М.* За волшебным колобком…. 1984. С. 155–156.

[33] Там же. С. 157.

[34] Там же. С. 180.

[35] Там же. С. 182.